

И. Ф. Кефели,
О. В. Плебанек

КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ VS КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА

В самом названии темы очередных Международных Лихачевских научных чтений «Трансформации мира: проблемы и перспективы» стоит обратить внимание на ключевые слова «*трансформации мира*». Само по себе понятие *трансформация* многозначно – это и изменение, и превращение, и перестройка, и инверсия, и конверсия и т.д. Мы – «мирные люди, но наш бронепоезд...», поэтому нам с незапамятных времен пристало утверждать «трансформацию мира» как обустройство жизни, мирного международного сотрудничества, наконец, – мирного сосуществования. Но с «другого берега» та же самая «трансформация мира» интерпретируется совсем иначе. Еще во времена деятельности Д. Рамсфелда на посту министра обороны США в администрации президента Дж. Буша-младшего (2001-2006 гг.; ранее, в 1975-1977 гг. Рамсфелд занимал эту же должность в администрации президента Дж. Форда) термин «трансформация» имел широкое хождение в кругу его ближайших помощников. Для Рамсфелда трансформация представлялась не как кардинальные изменения в технологии или оружии, сколько изменения в сознании и психологии. В те годы в Пентагоне идея *трансформации* стала чем-то вроде *мантры*, «нечто большее, чем просто замена систем вооружения, а именно изменение мышления, которое позволит военным использовать технологические достижения информационной эпохи, чтобы получить качественное преимущество над любым потенциальным противником»..., «а вооружённые силы добиваются впечатляющих успехов в том, чтобы сделать американский способ ведения войны более эффективным и гуманным»¹. Вот так выстраивались два антагонистических принципа понимания и интерпретации *трансформации мира* на протяжении всей эпохи холодной

¹ Boot M. The New American Way of War. Foreign Affairs. Volume 82, Issue 4. July/August 2003. P. 41–58.

войны – как мирного сосуществования и как «гуманитарной войны». Мы еще помним, что по окончании Второй мировой войны принцип мирного сосуществования был закреплен в Уставе ООН (в Преамбуле так и было заявлено: «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности»), в качестве основы внешней политики Советского Союза, в 10-ти принципах мирного сосуществования и международных отношений, принятых на Бандунгской конференции в апреле 1955 г. и во многих других документах. Более того, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 2017 г. особо указывалось на то, что ежегодное проведение 16 мая «*Международного дня мирного сосуществования* представляет собой способ регулярной мобилизации усилий международного сообщества на поощрение мира, терпимости, единения, взаимопонимания и солидарности, а также выражения его приверженности стремлению жить и действовать сообща, сохраняя единство без отказа от различий и многообразия, в целях достижения устойчивого мира, солидарности и гармонии во всем мире»¹.

В противовес этому призыву ГА ООН, вроде бы означавшим надежду на отказ от тяжкого наследия холодной войны, спустя буквально три года, представители военно-научного сообщества НАТО издают серию отчетов и военных наставлений, в которых провозглашалось наступление нового этапа ведения информационных войн – это когнитивные операции и войны (Cognitive Warfare). Предыстория их выдвижения в качестве нового домена ведения глобальной войны весьма примечательна. Еще в 1954 г. американский военный психолог Пол Лайнбарджер указал на то, что «психологическая война не является каким-то волшебным средством. Это вспомогательное оружие современной войны и полезная составная часть современной стратегии...

¹ <https://irsepi.ru/wp-content/uploads/2023/05/Резолюция-Международный-день-мирного-сосуществования>

Психологическая война, конечно, является оружием, но это оружие, безусловно, самое гуманное»¹. Такой вот гуманизм со смертоносным оскалом...

Как известно, одно из первых аналитических суждений об информационной войне (information based warfare, IBW) представил сотрудник Национального университета обороны США Мартин Либицки. «В последние годы, – отмечал он в 1995 г., – в определенных кругах оборонного истеблишмента США стала популярной концепция, известная как "информационная война". Эта концепция основана на неоспоримом факте, что информация и информационные технологии приобретают все большее значение для национальной безопасности в целом и для ведения войны в частности... информационная война сама по себе отодвинет на второй план другие, более традиционные и обычные формы ведения войны». Далее, указывая на необходимость признания различных форм информационной войны, в т. ч. психологической войны, «в которой информация используется для изменения взглядов, мыслей друзей, нейтралов и врагов, противников», Либицки заявил о том, что «некоторые формы войны используют человеческий разум как окончательное поле битвы... а стратегия национальной безопасности США может быть выражена через поддержку развития глобальной информационной инфраструктуры»². Тем самым он предварил зарождение еще одного домена ведения войны XXI века в глобальном информационном пространстве – когнитивного. И действительно, на основании утвержденной 21 декабря 1992 г. Директивы министра обороны США «Информационная война» Министерство обороны США 9 декабря 1996 г. ввело в действие Директиву «Информационные операции», в которой четко предписывалось Министерству обороны США быть готовым «к выполнению задач *от мирных до военных*, включая военные операции, не связанные с войной, такие как миротворческие и гуманитарные операции,

¹ Лайнбарджер П. Психологическая война. – М.: Воениздат, 1962. – 352 с. С. 335.

² Martin C. Libicki, What Is Information Warfare? Washington, National Defense University, August, 1995, p. x-xi, 91.

проводимые в противовес широкому кругу противников, включая государственные и негосударственные субъекты»¹. Тогда же была опубликована небольшая работа под названием «Информационные операции: мудрая война в 2025 году», в которой бодро заявлялась, что архитектура информационных операций к тому времени будет состоять из тысяч широко распределенных узлов, выполняющих полный спектр обработки данных, которые собираться и организовываться в полезную информацию; тем самым, подобная архитектура позволит вооруженным силам США вести «мудрую войну» («Wisdom Warfare»)².

С той поры информационная война стала рассматриваться не только как неотъемлемая часть современных военных операций, но и как знамение глобального превосходства национальных интересов США в наступающей информационной эпохе. Весь театр военных действий специалисты предложили разделять на *физическое пространство*, в котором суша, море, воздух и космос являются сферами ведения военных (кинетических) действий, и *информационное пространство*. В отличие от суши, моря, воздуха и космоса, информационное пространство не является физическим местом, в котором можно оказаться, однако оно имеет физическое измерение (те же компьютеры, мобильные устройства, серверы и др.). Вскоре концепция пятидоменных военных операций трансформировалась в концепцию шестидоменных операций, что нашло выражение в названиях издаваемых работ и наставлений.

В начале XXI века стали появляться работы, объясняющие феномен когнитивной войны, но первые четкие заявления о целях, задачах и методах ее ведения, обозначив, тем самым, новый домен современной войны, были сделаны военными специалистами НАТО. Технология когнитивных операций, описываемая как *способ нанесения вреда мозгу*, спонсируемая и

¹ DODD S 3600.1 Information Operations (IO)

² Information Operations: Wisdom Warfare for 2025. A Research Paper Presented to Air Force 2025 by Lt Col Edward F. Murphy Maj Gary C. Bender Maj Larry J. Schaefer Maj Michael M. Shepard Maj Charles W. Williamson III. April 1996. 65 p. P. v.

контролируемая НАТО, стала разрабатываться в 2013 г. в Инновационном центре НАТО (iHub, Норфолк, США). Разработчики назвали ее «когнитивной войной», целью которой является нанесение вреда не только военным, но и гражданскому населению. В роли потенциальной угрозы была обозначена возможность гражданских лиц быть «спящими ячейками», «пятыми колоннами», которые бросают вызов стабильности либеральных западных демократий. Франсуа дю Клюзель, возглавивший в том же году упомянутый выше Центр, уже в 2020 г. представил руководству НАТО доклад «Когнитивная война», содержащий концептуальные основы ведения когнитивных операций, выделяя их в шестой домен военных действий. Спустя год, Клюзель выступил одним из организаторов первой научной конференции НАТО «Когнитивная война: будущее когнитивного доминирования» (Бордо, Франция, 21.06.2021 г.). Основные положения, выражающие официальную позицию руководства НАТО в отношении цели, возможностей и условий ведения когнитивной войны, он сформулировал следующим образом:

1. На современном поле боя появляется новое боевое измерение – когнитивное, которое дополняет физическое и информационное измерения. В мире, наполненном НБИКС-технологиями, война в когнитивной области мобилизует более широкий спектр боевых действий, осуществляя контроль над людьми, социальными институтами и народами, над общественным и индивидуальным сознанием, массовой психологией и окружающей средой. Люди являются легкой мишенью, поскольку они, предоставляя информацию о себе, становятся марионетками (sockpuppet).

2. Когнитивная война – это «война идеологий, стремящаяся подорвать, веру [доверие], скрепляющую любое общество. Клюзель предупреждал военно-политическое руководство НАТО о том, что «неспособность помешать когнитивным усилиям противников НАТО обречет западные либеральные общества на поражение в следующей войне без боя». Поэтому будущая информационная война начнется, как заверял Клюзель, с

когнитивной области, чтобы захватить политическую и дипломатическую стратегическую инициативу, но она и закончится в когнитивной сфере.

Очередной шаг в развитии когнитивной революции и научном обосновании ведения когнитивной войны был связан с опубликованием в марте 2023 г. отчета Исследовательской группы Научно-технической организации НАТО по человеческим факторам и медицине под названием «Смягчение последствий когнитивной войны и реагирование на нее». Стоит обратить внимание на саму цель данного аналитического документа – речь идет уже не об обосновании когнитивной войны самой по себе. О ней сказано и написано уже достаточно. Основное внимание теперь уделено анализу роли «науки и технологий, необходимых для смягчения последствий когнитивной войны и защиты от нее» для принятия решений руководством НАТО. Акцент делается уже на той части CogWar, которая охватывает широкий спектр передовых технологий (искусственный интеллект, машинное обучение, ИКТ), которые основаны на достижениях в области нейробиологии, биотехнологии и физического совершенствования человека (аугментации). Эти технологии разрабатываются на основе достижений когнитивной нейронауки, социологии и культурологии и реализуются в так называемом оперативном цикле принятия решений «Наблюдай, ориентируйся, решай и действуй» с целью сдерживания «противников НАТО» в боевом пространстве XXI века. Объяснением такого шага служит то, что CogWar представляет якобы значительный риск для безопасности НАТО и «препятствует выполнению основных задач по защите союзных наций, обществ и общих ценностей», как далее следует по тексту, от России. По мнению авторов отчета, CogWar, основанная на конвергенции когно-, био- и нейротехнологий, искусственного интеллекта и обработки больших данных, стала мощным средством распространения дезинформации. CogWar представляет опасность для национальной и глобальной стабильности и безопасности на экономическом, геополитическом, социальном и культурном уровнях, поскольку нацелена

на уязвимость людей как средство создания хаоса и замешательства в массовом сознании и внутри вооруженных сил. Более того, американская компания Veriphix разработала платформу, позволяющую осуществлять так называемые бессознательные психологические «подталкивания» в Интернете и соответствующие изменения». Платформа подобного рода была создана не на пустом месте. Так, Корнелис ван дер Клааув, командующий Королевским военно-морским флотом Нидерландов и эксперт по стратегическим коммуникациям и информационным операциям, объяснял важность использования научных достижений, мотивируя это тем, что когнитивные атаки остаются незамеченными, поскольку когнитивная деятельность, как утверждают специалисты в области нейробиологии, обходит сознание и напрямую нацелена на подсознание человека: «от 5 до 10 % принимаемых нами решений являются рациональными решениями; в остальном мы полагаемся на наше подсознательное принятие решений, которое сильно зависит от повторения, автоматизмов, предубеждений и заблуждений». В более широком плане когнитивные операции опираются на достижения когнитологии, НБИКС-технологии. Одним из наиболее перспективных проектов является разработка встроенной синтетической ДНК, на которой можно хранить $2,14 \times 10^6$ байт информации.

Так когнитивный поворот, определивший с середины XX века глобальный тренд научных исследований проблем человека, его когнитивных возможностей и способностей, достиг «красной линии», за пределами которых поведение какого-либо актора мировой политики становится неприемлемым¹.

Проблема обеспечения когнитивной безопасности в современном мире становится ключевой в трансформации когнитивного поворота. Вся сложность в решении этой проблемы заключается, на наш взгляд, в том, что

¹ В Oxford Advanced Learner's Dictionary «красная линия» (red line) определяется как «вопрос или требование, по которому один человек или группа людей отказываются менять свое мнение во время разногласий или переговоров». В области международных отношений данное понятие применяется для «предотвращения события или явления, которое считается неприемлемым».

когнитивные технологии (будь то психологические, лингвистические, нейробиологические, информационные), как и другие в составе НБИКС-технологий, – это технологии двойного назначения. Пересечение «красной линии», в данном случае, означает признание в качестве мишени когнитивных операций мозга человека. В свое время Б. Бузан и О. Уайвер, которые пришли к выводу о том, что угрозы безопасности конструируются на основе нашего восприятия, а не существуют объективно. Некий объект становится реальной угрозой в том случае, если мы начинаем признавать, что данный объект является угрозой и начинаем принимать решения, связанные с необходимостью обеспечения безопасности¹.

Когнитивная война направлена на уничтожение всего человеческого, гуманного в человеке. Когнитивная безопасность нацелена на сохранение всего того, что мы называем гуманизмом Античности, Возрождения, Просвещения или даже «цифровым гуманизмом». На это должны быть направлены и когнитивные технологии, возвращенные передовой современной наукой, чему были посвящены, в частности, и наши работы².

¹ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers, the Structure of International Security*. Cambridge. MA: Cambridge University Press. 2003. 564 p. P. 40.

² Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности : монография. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. — 228 с.; Прологомены когнитивной безопасности. Коллективная монография / Под редакцией И. Ф. Кефели. — СПб.: ИД «Петрополис», 2023. — 488 с.; Кефели И. Ф. Геополитическое эхо когнитивной войны. Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. — 548 с. С. 85-88; Кефели И.Ф., Плебанек О.В. Проблемы обеспечения когнитивной безопасности информационного общества // *Respublica Literaria*. 2024. Т. 5. № 2. С. 122-136; Когнитивная безопасность человека в медиапространстве. Учебник / Под редакцией И. Ф. Кефели, Б. Я. Мисонжникова. — Санкт-Петербург, ИД «Петрополис», 2025. — 618 с.